

Пролог

— Он на нее смотрит.
— Что?

- Я заметил, что он смотрит на нее...
- На новую уборщицу?
- Да.
- Уверен?
- Да. Следит за ней, когда она ходит мимо клетки...

Я не знаю, когда начал различать голоса. Сегодня? Вчера? Месяц назад? Я просто слышал запах... тонкий, едва читаемый. Он дергал нервы, щекотал ноздри и... бил набатом в пах. Я судорожно втянул воздух и открыл глаза.

Возле клетки стояли двое. Один высокий, почти старик. Второй — какой-то смуглый тип, обиженный интеллектом. Глаза у него блестели нездорово, будто на наркоте какой-то. И вонял он так, что я снова уткнулся носом в подстилку, спасаясь в запахе, который вдруг стал всей Вселенной, будто натянутая нить между забвением и жизнью. Я даже не сообразил сразу, что мыслю вполне здраво. Уверен, я давно соображаю... просто... не заметил этого.

АННА ВЛАДИМИРОВА

— Посадите ее к нему, — решительно приказал старик.

— Мы подбирали полгода...

— Да плевать. Если реагирует, как тебе кажется, проверим опытным путем. Мне нужны результаты. — Повисла немая пауза, и старик, понизив голос, продолжил: — Поработаем от обратного. Если поведется — исследуем на совместимость.

Что он несет? Я слушал, но с трудом понимал. Где я вообще?

Шаги стихли, и я будто снова выпал в свое забвение. Просто дышал, пытаюсь хоть как-то зацепиться разумом за тело, вспомнить, как это вообще делается... Шло время, и все больше прояснялось в голове. В мозгу мельтешили обрывки картинок, заблудившихся в памяти. Я помнил себя. Мне... тридцать... тридцать три, кажется. И меньше всего я думал, что могу оказаться в таком месте. Сколько я тут? А сколько я в звере? Невозможно. Как я вообще тут оказался? Лапу что-то тянуло, и я открыл глаза — катетер. Меня чем-то ширяют. Поэтому так плохо... И поэтому столько злости внутри. Я тихо зарычал, только чужой крик вдруг ударил по ушам. Непонятно почему, но остаться равнодушным не вышло. Я метнулся к прутьям и заревел. Ответом мне стала настоящая истерика бьющейся в руках охранников смутно знакомой девчонки.

— Нет! Отпустите! Боже, нет! Что я вам сделала?! Я не скажу никому, пожалуйста! Пожалуйста!

Я узнал ее. Она бывала здесь несколько раз в день. А еще музыка... слушала какую-то музыку в дешевых наушниках, пропускающих звуки во все стороны. И...

пахла так, что хотелось жить... Чем больше она дергалась, тем ярче мне виделся цветочный луг в летнем мареве, аромат жасмина перед грозой наполнял рот слюной, а внутренности согревало от послевкусия нагретой на солнце пшеничной соломинки. Не соображая, я заворуженно опустил на четыре лапы, цепenea от понимания — это ее запах я слышу от подстилки.

Скрежет замка будто оставил на нервах борозды, и я дернул головой, доводя девушку до полнейшего иступления. Ее швырнули в проем клетки, в который она тут же ударилась, пытаясь не позволить закрыть ее.

— Давайте, голубки, — усмехнулся охранник. — Хорошей ночи.

Я зарычал, а она резко развернулась в мою сторону и прижалась дрожащей спиной к холодной двери. Смотрела на меня невменяемым взглядом и тряслась, скуля от страха. А я старался не шевелиться, чтобы не умерла тут у меня от удара. И может, мне удалось бы ее успокоить своим деланым равнодушием... только отвести взгляд не получалось.

Красивая. Глаза большие, спутанные волосы теплого цвета, разбросанные по плечам, сама — малышка. Медведем я бы мог ее спрятать у себя на пузе в лапах, и не нашел бы никто. Я фыркнул при этой мысли, а она снова взвыла и зацарапалась в двери. Короткая футболка при этом задралась до задницы, открывая будоражащий вид на крепкие ягодички в коротких трусах-шортах.

Взирая на ее тщетные попытки достучаться до совести охранников — или кто это был? — я начинал понимать, зачем ее мне притащили. А в памяти всплывали прежние попытки...

Мучительными вспышками перед мысленным взором заскакали ни черта не радостные картинки — кровь на полу, бездыханное тело... в том углу, возле подстилки... и еще тут, у прутьев... Мой зверь терзал здесь невинных жертв, преподносимых ему... ради эксперимента?

Я не сразу заметил, что с каждым вздохом мне нужно все меньше воздуха, что угол зрения стал выше, ступни обожгло холодом, а от злости пальцы сжались в кулаки. Глаза видели теперь совсем по-другому, но слух и обоняние остались прежними, а, что еще хуже, реакции на девушку — тоже. Ее тяжелое рваное дыхание дергало нервы, осознание ужаса всей ситуации ни черта не способствовало собственному спокойствию, потому что я был единственным, кто мог нас вытащить... И я ее хотел едва ли не больше, чем свободы.

— Успокойся, я тебя... не убью, — прохрипел я.

— П-п-п-ожалуйста. — И она заплакала, жмурясь и скручиваясь у дверей, обняв колени. — Пожалуйста...

— Тише. — Я сделал к ней шаг, но она вздрогнула и снова ударилась лопатками о железную дверь. Я вскинул ладони в воздух: — Я — в себе, не зверь, слышишь? Не делай. Резких. Движений.

Потому что я ни черта еще себя не контролирую! Но ей этого сообщать не стоило.

Она слушала, пытаясь вжаться в твердую поверхность, и крупно дрожала. Я оглянулся — ну просто отличное место для женщины, мать их! Медвежья подстилка, кран в углу... Хотя клетку вычистили, твари. Я снова стиснул кулаки — хотелось наброситься на прутья и биться в них, как это только что делала она, но... надо набраться терпения. Потому что сегодня я не

смогу сопротивляться — буду делать все по их правилам.

— Как твое имя? — Я опустился на колени в нескольких шагах.

Она все еще дрожала и ответить не смогла бы при всем желании — зуб на зуб не попадал.

— Послушай, — хрипел я, смаргивая пелену, — послушай... успокойся... Я постараюсь тебя не тронуть...

Зря я это сказал. Она скрутилась еще больше и заплакала. А у меня вся жизнь сжалась до этих секунд. Если я потеряю контроль, то впору ставить точку — не смогу себя простить. Хоть и не виноват, но не смогу. Эта — какая-то особенная, и не эти ублюдки ее мне подсунили, я ее сам подставил, будучи в звере. Тот старик сказал, что они заметили мой интерес.

— Успокойся, — заговорил я снова. — Я не трону, не сделаю больно, обещаю...

Врал. Безбожно. Потому что если она задержится и не подчинится, больно будет...

Я прикрыл глаза, успокаивая дыхание, и отвернулся от нее, упираясь лбом в обжигающе холодные прутья. Она же тут замерзнет за ночь. Уже дрожит. Суставы пальцев прострелило от боли — так сжал прутья. В груди нестерпимо жгло от злости... Я выживу, твари. Вырвусь... А потом вы у меня все будете выть... умирая долго и мучительно... за каждый труп, что вы тут закопали... за каждый крик этой, пока что еще живой.

Ее всхлип выдернул из мрачных мыслей, и я выпрямился. Наплевал, что она отпрянула в страхе, — смысла ждать не было. В два шага оказался рядом и подхватил на руки, но вопреки ожиданиям девочка не стала вырываться — оцепенела. Такая холодная! Я отнес ее на

АННА ВЛАДИМИРОВА

подстилку и усадил к себе на колени, вынуждая обнять меня ногами.

— Нам нужно спастись, слышишь? — запустил пальцы в ее волосы и вжал в себя.

Я знал, что на человеческих женщин мы действуем по-особому — стоит прижать посильнее, и она начнет дуреть от желания, как и я. А еще успокоится и доверится, пусть и ненадолго. Только мысли об этом выцветали с каждым вдохом. Ее запах заменил воздух, возвращая мне способность быть в реальности — нервы переставали звенеть от напряжения. Я опустил ладони на ее ягодицы и осторожно сжал, прикрывая глаза... но она вдруг дернулась и заехала мне по лицу так, что аж голова мотнулась.

Может, мои способности поизносились — черт знает. Я и не пробовал никогда затащить к себе в постель человеческую женщину — не было необходимости. Но стоило навести на лицо девчонки резкость, стало ясно — нормально я на нее действую, ее взгляд уже неменяемый и пьяный, а сама не дрожит почти.

И я рванул ее к себе, впиваясь в ее рот с такой жаждой, будто в ней — вся жизнь. А сейчас именно так и казалось. Мне некуда деваться — буду играть по чужим правилам. Эта женщина — все, что у меня есть, и она каким-то образом спасает меня от забвения в звере. По крайней мере, пока. Я дернул с нее футболку, стараясь не разодрать ткань на части. Чем больше контакта с кожей, тем быстрее ее отпустит. А вот трусы снять не вышло — потому что стоило ее голой груди вжаться в мою, контакты закоротило. Я только сжал зубы, когда она вскрикнула, и бесцеремонно скользнул между ягодиц пальцами. Девоч-

ка впилась ногтями в плечи, напряглась в руках, выгибаясь:

— Н-н-н-е...

— Прости, — прохрипел ей в шею и попробовал опустить ее на себя с размаху, но она вскрикнула ярче, а меня больно приложило осознанием. Думал, куда хуже? А нет — перспектива обрисовалась так ярко, что перед глазами потемнело.

Моя жертва оказалась невинна. А когда она открыла глаза и посмотрела в упор, я замер.

Ее глаза были ярко-синего цвета. А взгляд врезался в память раскаленным стеклом. Мокрые ресницы дрожали все сильнее, когда она сдавалась, со стоном впуская меня. А я с каждым толчком в нее дурил все больше. Какая тесная... Я же ее порву к чертям! Выдержка таяла с каждым движением, дыхание тяжелело, а в паху резало уже так, что, казалось, лопнет. Но я из последних сил заставлял себя терпеть. Первый... я, мать его, у нее первый!

«И последний», — поставил внутри точку зверь, и я рванул ее вниз до конца. Пальцы скользили по мокрой коже, пытаюсь удержаться, до синяков, до крика... Я пытался быть осторожным, насколько это вообще было возможно, а она хваталась пальцами за плечи, всхлипывая на каждое мое движение...

«Как ты тут вообще оказалась? Кто тебя так наказал? И за что?» — Вопросы жгли внутренности кислотой, но я не останавливался, продолжая удовлетворять звериную похоть, которой не мог сопротивляться. И не хотел. Девочка стонала все жарче, и это могло бы даже отдаленно напомнить ночь любви, если забыть о том, где мы и кто. Я наматывал ее длинные влажные во-

АННА ВЛАДИМИРОВА

лосы на кулак, оголяя нежную шею, и одержимо метил тонкую кожу. Только забыться не вышло — слишком долгим было воздержание. Я стиснул зубы, лишь бы не позволить себе навредить ей еще больше, и зарычал. Разрядка не принесла удовольствия и облегчения, член отозвался ноющей болью — мало. Но в голове просветлело достаточно, чтобы не позволить зверю взять верх окончательно.

Я подхватил девушку и понес к крану. Она напряглась в моих руках, замирая, и застонала, когда усадил ее на раковину. Только по взгляду становилось понятно — сломлена. И никакой обезболивающий эффект этому не поможет.

Я впервые в жизни пожалел, что не волк во второй ипостаси, потому что захотелось взвыть...

Я ненавидела себя за то, что хотела жить... после всего, что сегодня произошло. Это существо... Я не знала, как его назвать про себя. Мужчина? Да, им он определенно был тоже, как оказалось. Но только частично. Зверь? Им даже больше, чем человеком.

Губы растянулись в кривую изможденную усмешку — я же знала, куда еду. Вот и получай, Ари, что заслужила. Я всхлипнула и зажмурилась, пытаюсь сдерживать слезы, и зверь снова зашевелился — прошелся горячими пальцами вдоль позвоночника и впутался ими в волосы, но ничего не сказал. Он уложил меня на себя и обнял, пытаюсь согреть.

Я осознала это только сейчас, когда сердце перестало колотиться в животе. Мне казалось, кроме него там, внутри, ничего не осталось. Сначала решила, что от меня вздумали избавиться. За что? Ответа не было.

Жизнь сузилась до объятий мужчины. Я физически чувствовала каждый ее миг, будто ровная линия вдруг стала пунктиром и нерешительно чертила оставшееся мне время ударами сердца.

АННА ВЛАДИМИРОВА

Тепло наконец стало проникать под кожу, и меня начало уносить в забытье. В мыслях оживали картинки, еще недавно раскрашенные радужными надеждами, а сейчас — обесцвеченные суровой реальностью.

Я решила подработать летом. Думала, мама будет гордиться тем, что мне удалось вырваться из фермерского захолустного Виндингтона в город и поступить в Университет финансов и права. Колледжа было недостаточно для амбиций — хотелось большего.

Салана — дочь маминой подруги, которая работала в Смиртоне на овощном рынке, предлагала мне пойти в ночной клуб. «Верняк, — говорила она. — Денег там можно поднять за неделю столько, что хватит и на жизнь, и на съём нормальной комнаты на двоих».

Но одной пробной смены мне хватило, чтобы понять — такая работа не для меня. Сейчас, конечно, это дико смешно. Я врезала вышибале клуба между ног, когда он схватил меня, идущую с пустым подносом, за задницу, чтобы проверить нервы на крепость... Придурок. И чем я кончила? Его пророчеством. Он тогда мне так и пожелал, чтобы меня, «такую трепетную недоτροгу», отодрали где-нибудь в подворотне.

Я тогда гордо показала ему средний палец, а Салане сказала, что найду другую нормально оплачиваемую работу.

Нашла... Вернее, работа нашла меня через биржу занятости. Когда мы подписали договор, я чувствовала себя победительницей — кто ищет, тот найдет... неприятности на пятую точку.

Зверь вдруг задышал чаще, и воспоминания спутались, пошли белым шумом в голове, а с губ сорвался стон.

— Пить хочешь? — хрипло прошептал он.

Но я не ответила. Я вообще хотела забыть и его, и все случившееся. Хотя бы во сне... Между ног саднило, несмотря на то, что он сделал все что мог... Боже, ну что он мог? Вернее... Он же дикий зверь, бешеный оборотень, а вдруг оказался почти человеком. Почти... Теперь, когда могла дышать, я осторожно пересматривала последний час своей жизни. Он просил меня успокоиться — пытался сдерживаться? Или показалось? А я думала, меня притащили ему скормить.

Первый день на работе оставил меня полной энтузиазма. Мне объяснили, что это место — резервация для заключения оборотней, которые не могут обернуться. Они опасны, поэтому за ними присматривают. А в мои элементарные обязанности входила уборка камер. Ну и что такого? — думала я воодушевленно. По мне — гораздо лучше того, что предлагал ночной клуб. Тяжелой работы я с детства не боялась. А платили за нее в два раза больше, чем обещала мне Салана с чавыми.

В первую неделю все было хорошо — лето, лес, серьезная обстановка с пропусками, костюмами и четким графиком, медицинский персонал, которому отведен целый этаж в двухэтажном здании, вытянутом вдоль оврага. Персонал не болтал лишнего, но казался мне довольно дружным. Да я и не расспрашивала особо никого и ни о чем. Мне нужно было всего лишь продержаться пару месяцев и забыть об этом месте.

АННА ВЛАДИМИРОВА

Ночами я готовилась к экзаменам. Утром ползла на работу. А после обеда отсыпалась до вечера. И так каждый день.

Пока однажды ночью меня не угораздило прокрасться в столовую за печеньем.

Когда я услышала тот вопль, меня изрядно потрянуло. Чувство самосохранения подсказало, что дергать не нужно — я так и застыла с печеньем в руке над кофеваркой. Если кто-то просмотрит камеры, поверит, что я ничего не слышала. Я тогда убрала молоко в холодильник трясущимися руками, подергиваясь в такт воображаемой музыке. Рассмотрят они клипсы в ушах или нет — второй вопрос. Но становиться свидетелем чего-то жуткого мне не хотелось.

Я тогда всю ночь протряслась у себя в комнате, раздумывая, как отсюда сбежать. К утру, правда, отпустило. Только сколько бы я ни рисовала себе безобидных вариантов, чтобы объяснить этот крик, обмануться не вышло — так кричат только в последний раз. А когда на глаза попало несколько пятен крови на кафеле в клетке этого... я решила, что пора увольняться.

Но уволиться стало проблемой. Меня вызвали в медотсек и провели в просторный кабинет. Обстановка откровенно пугала, а суровый мужчина за внушительным столом никак не напоминал рядового менеджера по персоналу. Он смерил меня с ног до головы взглядом, который не понравился, как и все происходящее. На мое объяснение, что мне нужно срочно домой по семейным обстоятельствам, он холодно дал понять, что мои личные проблемы его не особо волнуют, я подписала контракт на два месяца. Про «больную

НОЧЬ СО ЗВЕРЕМ

маму» слушать вообще не стал. Сказал сидеть и до-рабатывать контракт. Ну или идти до города пешком, потому что в эту глушь за мной одной никто не прим-чится.

И вот тогда я осознала, что попала по полной. А се-годня, когда в комнату ко мне вдруг приперлись охран-ники и вытащили из-под одеяла, поняла, что надо было идти пешком...

И как мало теперь стало нужно, чтобы надеяться на второй шанс. Биение сердца зверя успокаивало, а его ласка, такая странная, дикая в этом всем кошмаре, ка-залась бредом... Но я цеплялась за нее, как за соло-минку, лишь бы не сойти с ума от страха. Теперь уже боялась не его. По крайней мере, пока он не обернулся снова в медведя.

— Прости, — шептал он хрипло в моем сне. — Нам просто нужно выбраться... Прости...

Лязг замка подкинул меня в руках мужчины, и он сжал меня так, что стало тяжело дышать. В горле пере-сохло, дико хотелось пить и в туалет...

— Отдай девочку, сводим к доктору и вернем. При-каз главного. — Я узнала голос. Это был Харлос — стар-ший смены, мой непосредственный начальник. Я с тру-дом подняла голову на груди мужчины и глянула через плечо. — Ну и ты... раз в себе, нужно переселить. Не в звериной же клетке будешь с ней жить.

Зверь зарычал так, что у меня самой задрожало в груди от вибрации.